

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО (ГРАЖДАНСКОГО) ПРАВА

В ПОИСКАХ ПОСЛЕДНЕЙ АБСТРАКЦИИ ЦИВИЛИСТИКИ*

Г.А. ГАДЖИЕВ,

доктор юридических наук,
ординарный профессор НИУ «Высшая школа экономики»

<https://doi.org/10.24031/1992-2043-2022-22-5-9-36>

Публикация задумывалась в жанре обычной рецензии на чрезвычайно познавательную монографию С.В. Третьякова. Однако по мере постижения ее содержания и с учетом того, что в книге поставлены важные онтологико-правовые проблемы, автор сфокусировался на методах научного исследования в области права, свойственных философии права и одному из ее разделов – онтологии права. В поисках «последней абстракции частного права» (фон Тур) С.В. Третьяков обнаруживает то, что можно обозначить как универсальные для частного права категории, и прежде всего это субъективное частное право, являющееся основой волевой теории субъективного права. Солидаризируясь с автором книги, в статье обосновывается необходимость обогащения цивилистической методологии изучением методов познания, свойственных онтологии частного права. Их применение привело автора статьи к выводу, что, имея в виду афористичное высказывание Гегеля о том, что юристы мыслят категорией воли, допустимо утверждение, согласно которому с точки зрения философии права (а это прежде всего область искусственных, иногда фикционных, вымышленных идей, область, обозначаемая емким полисемантическим латинским словом «ars» (jus est ars...)) конечной абстракцией цивилистики является свобода воли, предлагающая автономию субъекта права, обладающего достоинством.

* Настоящая работа представляет собой онтологико-правовые размышления в связи с книгой С.В. Третьякова «Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике».

Ключевые слова: онтология частного права; генетическая юриспруденция; универсальные категории частного права; волевая теория в цивилистике; юридическое мышление; правовая реальность частного права; частная автономия; понятие правоотношения.

IN SEARCH OF THE LAST ABSTRACTION OF CIVIL LAW

G.A. GADZHIEV,

Doctor of Law, Tenured Professor,
National Research University Higher School of Economics

This publication was intended to be a regular review of an extremely informative book written by S.V. Tretyakov. Nonetheless, since the book poses important ontological and legal issues, the author focuses in this essay on methods of scientific research that are inherent to legal philosophy, particularly legal ontology. S.V. Tretyakov, in his quest to find “the last abstraction of private law” (A. von Tuhr), discovered what can be designated as universal categories of private law, including a subjective private right, which is at the heart of a will theory perspective on subjective rights. The article argues in solidarity with the book’s author that civil law methodology needs to be supplemented by the methods of knowledge intrinsic to the ontology of private law. A legal philosophy in this context should be considered a collection of mainly artificial, imaginary, and sometimes fictional ideas denoted by the polysemantic and inclusive Latin word “ars” (jus est ars...). A combination of private law ontology and a will theory, exemplified by Hegel’s aphoristic statement that lawyers think in terms of will, led the author to conclude that the ultimate abstraction of civil law is free will, which implies both dignity and autonomy of the owner of a right.

Keywords: ontology of private law; genetic jurisprudence; universal categories of private law; will theory in civil law; legal thinking; legal reality of private law; private autonomy; legal relationship concept.

1. Основные идеи С.В. Третьякова ранее были опубликованы в цикле статей, преимущественно в журнале «Вестник гражданского права»¹.

Рецензии как жанр научной литературы всегда предполагают оценку опубликованного произведения, и есть несколько различных вариантов их написания. Традиционная рецензия означает воспроизводство основных идей автора, порой даже более-менее подробное реферирование, т.е. краткое изложение содержания научного произведения.

Иногда рецензент настолько проникается идеями автора, что у него появляется искушение в какой-то степени либо развить эти идеи, либо показать те направления, по которым целесообразно осуществить последующую проработку. В таких случаях рецензент похож на деликатного или не очень деликатного персонажа, который как бы выглядывает из-за спины автора и чаще всего солидаризуется с ним. Нередко рецензент ставит перед собой не «развивающую», а критическую цель, причем критики не в кантовском смысле, а в более характерном для повседневной семантики этого слова.

Объем вложенного труда в подготовку книги С.В. Третьякова таков, что если в настоящей рецензии и будет замечена критика, то она из разряда той критики, к которой применимы слова поэта: «он проповедует любовь враждебным словом отрицанья» (Н. Некрасов).

2. Книга состоит из введения и четырех глав. В главе первой описывается процесс возникновения в зарождающейся науке европейского гражданского права понятия субъективного частного права.

Одним из векторов юридической гносеологии является своего рода «генетическая юриспруденция», изучение правогенеза². Примером такого рода исследований может служить гениальная интуиция Фридриха Ницше в «Генеалогии морали»³. Выдающийся русский философ права Е.В. Спекторский называл такого рода исследования «археологией знаний»⁴. До Ницше такие великие немецкие философы, как Кант и Гегель, занимались теоретической реконструкцией процесса появления основных частноправовых категорий. Не случайно С.В. Тре-

¹ См.: Третьяков С.В. Право на чужое поведение и право на его защиту // Вестник гражданского права. 2019. № 3. С. 7–36; Он же. Категория субъективного права и особенности действия принципа диспозитивности в классической пандектистике // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 22–50; Он же. Субъективное право как «последняя абстракция» цивилистики: генезис и структурные компоненты классической волевой теории // Вестник гражданского права. 2020. № 2. С. 18–59; Он же. Субъективное право как интерес? Трактовка категории субъективного (частного) права в рамках классической теории интереса // Вестник гражданского права. 2020. № 4. С. 5–44.

² См.: Правогенез: традиция, воля, закон: коллективная монография / под ред. Р.А. Ромашова. СПб.: Алетейя, 2021.

³ Ницше Ф. Генеалогия морали. СПб.: Лениздат, 2013. С. 67–75.

⁴ Спекторский Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. 1. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1910. С. 504.

Тьяков подчеркивает, что правовая форма и социальные практики, выраженные в поведении субъектов, взаимно порождают друг друга; правовая форма не возникает ниоткуда, *ex nihilo*, как это имело место в кантианских и неокантианских теоретических реконструкциях процесса генезиса правовой формы. Напротив, правовая форма представляет собой высшую (наиболее структурированную) форму существования материального содержания (социальных практик, поведения), а это материальное содержание (социальные практики экономического оборота) предполагает определенную правовую форму¹.

В главах второй и третьей дается описание альтернативных моделей субъективного частного права (субъективное частное право как интерес; субъективное частное право и «юриспруденция интересов»; современные версии теории интересов; теория субъективного права У. Хофельда; субъективное частное право в интерпретации А. Тона, Г. Кельзена, О. Бухера, Г. Харта). Автор знакомит российского читателя с научными исследованиями субъективных частных прав Хофельда, одного из лучших представителей аналитической юриспруденции. Схема анализа содержания правовых возможностей, предложенная им, основывается на выделении простейших типов поведения, определенных им аналитически, т.е. относительно друг друга. Эти первичные пары «коррелият», своего рода «логические юридические атомы», не являются собственно субъективными правами, но могут быть использованы при анализе содержания субъективных частных прав.

В главе четвертой субъективное частное право рассматривается сквозь призму распорядительной теории. В ней исследуются такие дискуссионные проблемы, как субъективное частное право как право на чужое поведение; распоряжение правом на чужое поведение; право на чужое поведение и право на защиту; право на собственное поведение и дозволение в частном праве; притязание, дозволение и распорядительная власть. Автор оспаривает не только факт существования права на собственное поведение, но и необходимость выделения объективно-правовой основы – дозволения как самостоятельной правовой категории, существующей наряду с обязанностью и запретом. Наиболее сильные аргументы в пользу признания дозволения в качестве самостоятельной техники правового регулирования выдвинуты У. Хофельдом и Дж. Ризом. Очевидно, что это новое для российской онтологии права учение.

3. Каждый, кто познакомится с книгой автора, возможно, выделит в содержании что-то такое, что покажется ему наиболее интересным и новым. У ученых-цивилистов разных стран мира можно обнаружить идею об универсальных категориях частного права и мечту о создании общего частного права. На региональном уровне, в Европе приступили к практической реализации унификации

¹ Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике. М., 2022. С. 119.

частноправовых национальных систем. Предпосылкой для этого, как показывает автор, является такая структура, которую можно обнаружить в различных кодификациях частноправовых норм, независимо от того, построены ли они на пандектной или институциональной основе. Универсальные элементы в частном праве можно получить путем своего рода «вынесения за скобки общего знаменателя», а это могут быть и такие элементарные структуры, как автономия воли или присущая частному праву диспозитивность.

С.В. Третьяков обратил внимание на то, на что не обращалось внимания, во всяком случае, в отечественной цивилистике. Речь идет о системе частного права, основу которой составляют понятия и разновидности субъективных частных прав.

В цивилистике многих стран он обнаружил, что фундаментом классификации частноправовых отношений являются различные типы субъективных правовых возможностей, а институты объективного гражданского права формируются по критерию содержания субъективных правовых возможностей, что, по сути, предполагает их типологию (господство над вещным объектом или над чужим поведением). В отличие от используемых в других областях права объективных, а порой и метаюридических критериев в частном праве используется сугубо юридическая систематика. Носит ли это обстоятельство случайный характер или же в таком выборе критерия проявляется некая объективная закономерность? Думаю, что в большей степени выбор в пользу сугубо юридической систематики является логичным продолжением становления частноправового концепта в виде того, что Цельс-младший выразил предельно лапидарно и четко словами *«jus est ars boni et aequi»*. Как правило, это определение права переводится ошибочно – право есть искусство доброго и равного (или добра и справедливости). Ошибка в переводе слова *«ars»*: его надо переводить как «искусственное, фикционное». Фикционность, придуманность основных понятий частного права, их искусственное происхождение проявляются в том, что они выступают результатом деятельности коллективного юридического гения, и поэтому возникает объективная предпосылка использования столь же искусственной юридической систематики. У Аристотеля в его «Метафизике» есть гениальное предвидение того, как будет развиваться частное право в далеком будущем: он писал, что возможность что-либо делать с вещами, по сути различные виды господства субъекта права над вещами будут постепенно множиться, по мере того, как взрослеющее мышление людей будет концентрироваться на их скрытых возможностях. Время показало, что человек действительно постоянно обнаруживает такие скрытые возможности вещи, как залог, право на чужие вещи, а в наши дни – каршеринг, цифровые активы и т.д.

Непрекращающийся процесс обнаружения скрытых возможностей вещи создает новые типы юридической власти, повышая экономическую капитализацию вещи! И все это делается юридической мыслью, носит тем самым искусственный характер, являясь областью *ars*.

Поэтому систематика, в центре которой оказались субъективные частные права, воплощающие юридическую власть, этот симбиоз юридической власти и капитализации вещей стали столь притягательными не только для европейских стран, но и для национальных цивилистических правопорядков других государств мира.

По сути, книга С.В. Третьякова впервые убедительно обосновывает реальность универсальных категорий субъективного частного права.

Безусловным достоинством книги является обнаружение и обстоятельное доказательство наличия универсального частного права.

Перед глазами читателя проходит длинная вереница ученых, которые творили в разные времена, в разных странах, на разных языках. Результаты многих работ большинства зарубежных цивилистов, теоретиков и философов права, к сожалению, были недоступны в XX в. их российским коллегам. Как верно заметил проф. Е.А. Суханов в кратком вступлении к книге автора, в результате этого отечественная цивилистика в изучении субъективного частного права, к сожалению, «застыла» на уровне германской правовой доктрины конца XIX в. Очень честная констатация!

Российским цивилистам, конечно, были известны работы Ганса Кельзена, в меньшей степени – работы англоязычных философов права и теоретиков права, таких как У. Хофельд и Г. Харт, но, признаюсь, лично мои знания носили фрагментарный и обрывочный, несистемный характер. Я весьма поверхностно был знаком с концепцией правопритязания, но только после прочтения книги С.В. Третьякова, исследования о субъективном частном праве – о «конечной абстракции цивилистики» (А. фон Тур), сложилась хронологически последовательная, взаимосвязанная система цивилистических знаний, столь необходимая не только ученым-цивилистам, но и теоретикам и философам права.

По сути, С.В. Третьяков создал энциклопедию субъективного частного права! В книге можно получить ценную информацию обо всех тех, кто создал концепцию субъективного частного права, а это римские юристы, средневековые теологи, саламанкские схоласты XVI в., знаменитые французские и немецкие ученые – Гуго Донелл и Фридрих Карл фон Савиньи.

Джамбаттиста Вико, итальянский философ XVII в., писал, что познание опирается на такую странную способность ума, как связывать. В XIX в. в психологии был описан метод ассоциативных связей, под которым понимается связь между объектами или явлениями, понятиями, которая образуется в психике человека и которая при появлении в сознании человека одного из объектов, понятий, включенных в ассоциацию, влечет появление другого объекта.

В цивилистике за все время ее существования появлялось великое множество идей, большая часть которых позабыта – они попросту не выдержали конкуренции. Иная судьба у субъективного частного права.

Когда появились первые представления о субъективном частном праве? Что такое секундарные права или право на чужое поведение? Эти идеи появились

в разное время, в разных странах? Сейчас, когда из всего этого богатого теоретического наследия приходится выбирать для новых способов использования вещей и закрепления новых форм господства человека в праве, надо знать, когда же появилось то или иное новое научное представление о правовой реальности, к какому «слою» знаний оно относится. Поэтому книга С.В. Третьякова очень полезна для тех юристов, у которых уже есть цивилистический и общетеоретический бэкграунд, поскольку она дает возможность дисциплинировать и структурировать свои знания.

4. Хотя в фокусе внимания автора постоянно находятся субъективные частные права, в орбиту анализа оказались вовлечены едва ли не все основные цивилистические теории – волевая теория, теория таксономий и классификации, теория интересов, учение о сложном контексте, в котором находятся нормы частного права, о взаимосвязи идей цивилистики с философскими и даже естественно-научными идеями, которые постоянно проникают в цивилистику.

Был период времени, когда в становлении науки гражданского права участвовали геометрия и механика.

В пробуждающейся науке частного права возникла потребность в понятиях о разных юридических равенствах – равенстве перед законом, перед судом, в обороте. Афинский политик и юрист VI в. до н.э. Солон, один из знаменитых семи мудрецов, считал своим основным достоинством умение сохранять равенство.

В юриспруденцию были перенесены оправдавшие себя социальные практики и сложившиеся закономерности, прежде всего в области имущественного оборота, отношения равенства. Товарно-денежные отношения, их эквивалентность послужили примером для появления таких юридических понятий, как договор, обязанность, связанность долгом, гораздо позже появилось и понятие субъективного права.

Е.В. Спекторский, описывая становление европейского рационализма в XVII в., заметил, что методологическим образцом новаторов в науке были геометрия и механика, все науки испытали на себе когнитивное влияние математики¹. Не случайно великие философы той эпохи были и великими математиками – Декарт, Паскаль, Б. Спиноза и Лейбниц, ученик знаменитого Эдгара Вейгеля из Йенского университета.

По образованию математик, волей судьбы Вейгель вынужден был преподавать юриспруденцию. Зная хорошо метод обучения геометрии, он решил перенести метод, описанный в «Началах» Евклида и являющийся вершиной античной математики, в изучение права. В геометрии процесс познания идет от предельно простых понятий к все более сложным: понятие точки, расстояние между двумя точками – отрезок прямой линии, три отрезка прямых образуют треугольник...

¹ См.: Спекторский Е.В. Указ. соч. С. 329.

Первыми принципами в геометрии являются исходные определения (понятия), постулаты и аксиомы. Имевший хорошее математическое образование, Вейгель преподавал право по образцу преподавания геометрии. Он начинал процесс обучения основам права с исходных «точек» – понятий нормы, правоотношения, с понятий, постулатов и аксиом. Его дело продолжил другой его ученик, Самуэль Пуфендорф, «Тацит Германии», как его назвал Монтескьё. Именно с его именем связывают появление в законах (кодексах) общей части, столь важной для пандектистики. Пуфендорф заложил основу научной традиции признания того, что путем дедукции можно из всего массива норм вывести абстрактные принципы права, именно они лежат в основе пандектистики, т.е. учения о построении нормативно-правовых актов, в котором общая и особенная части выделяются в отдельные разделы. Этому учению противостоит институциональная система, воплощенная в Кодексе Наполеона.

Не случайно С.В. Третьяков столь тщательно изучил наследие таких известных пандектистов, как Георг Фридрих Пухта, Бернхард Виндшайд, Генрих Дернбург, Оскар фон Бюлов.

Итак, возможно, существует генетическая связь между геометрическим методом, математическим концептом с опорой на ряд базовых непоколебимых принципов и понятием императивов в философии. Достаточно вспомнить категорический императив Э. Канта, который в «Основах метафизики нравственности» определяется как высший принцип нравственности (не случайно Герман Коген, глава Марбургской школы неокантианцев, писал об ориентировании этики в юриспруденции). Идея императивов объясняет преклонение Канта перед правом, что Е.В. Спекторский называл «юридизмом Канта».

Поэтому заслуживает уважения один из основных гносеологических выводов автора о том, что научная концепция, согласно которой частное право – это прежде всего система частных субъективных прав, является следствием формирования немецкой пандектистики, благодаря авторитету которой этот концепт привлек внимание к субъективным частным правам ученых по всему миру. Имея в виду философские, когнитивные основания пандектистики, следует согласиться и с тем, что господствующее, точнее, преобладающее, учение о системе субъективных прав могло появиться только благодаря наследию Канта, который оказал самое большое влияние на развитие права в мире.

Первоначально местом дислокации идей пробуждающейся науки, концептуально представляющей собой свод абстрактных юридических понятий, главными из которых являются *persona, res* и *actio*, был Древний Рим.

С.В. Третьяков ссылается на опубликованную в 1856 г. монографию Виндшайда «Actio римского права с точки зрения современного права», в которой осуществлена реконструкция римского юридического понятия «*actio*» с целью выяснения, что оно означает с современной автору точки зрения. Как пишет С.В. Третьяков, Виндшайд осуществил своего рода «перевод» одного из ключе-

вых понятий римского юридического концепта права на современный юридический язык¹.

Основной тезис Виндшайда заключался в том, что римское понятие «*actio*» не рассматривалось им в качестве эквивалента современного понятия иска как формы реализации различных способов защиты нарушенного права. Главным вопросом для римского юриста в случае спора было выяснение, а обладает ли истец *actio*, т.е. будет ли ему предоставлена претором защита, достаточно ли какое-либо умаление (посягательство) на чужую имущественную сферу для предоставления юридической защиты в суде. А современному юристу, решающему аналогичную задачу, необходимо ответить на вопрос: нарушено ли объективно существующее в правовой реальности правило (норма)? Сама по себе эта разница демонстрирует огромное отличие от современного права с его источниковедением в виде учения об источниках права в степени сложности объективного права.

Виндшайд не случайно усомнился в аналогизации понятий «*actio*» и «право на иск», поскольку *actio* – это нечто среднее между нормами современного объективного права и актом правоприменения.

Заслуга Виндшайда в том и заключается, что он предложил новое юридическое понятие – и это понятие «притязание».

В современном праве правила поведения, то, что именуется источниками права, формируются не на юрисдикционной стадии, а гораздо раньше, но инициатива частных субъектов в приобретении и осуществлении прав все так же имеет значение.

И когда Виндшайд создал понятие притязания, то ему удалось найти удачную теоретическую конструкцию, которая отражает новую, совсем иную правовую реальность². По сути, обнаружена важная идея, относящаяся к области онтологии частного права. Далее в книге автор продолжает развивать систему понятий онтологии права.

Первичный онтолого-правовой вопрос, который возникает при анализе предложенной Виндшайдом концептуализации объективного и субъективного права, касается корректного описания правовой реальности до факта правонарушения, т.е. наличия так называемой воли законодателя, объективируемой в форме источников права.

Затем на авансцене по воле автора оказывается французский юрист-романист Гуго Донелл (1527–1591), который после Варфоломеевской ночи из Орлеана перебрался в Гейдельберг. Он известен прежде всего как систематик норм частного права, по описанию его вклада в цивилистику автором книги, это он предложил разделить материальное частное право и процессуальное³.

¹ Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике. С. 17.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 55.

В результате нового, более рационального подхода к систематизации он все содержание частного права описал посредством серии таксономий, которые необязательно отсылают к принципам частного права, но очевидно, что они преследовали цель упрощения понимания содержания частноправовых норм, это была полезная попытка сделать понимание классификации и дистинкции более доступным. Правило редукции закрепилось в науке права.

А осознанное превосходство силы абстракции сформировало специфическое правовое мышление, когда юрист оценивает конкретный спор сквозь призму абстрактных определений закона. Густав Радбрух сравнивал этот профессиональный взгляд на конфликтную сферу бытия с повязкой на глазах Богини Фемиды. Она не была совершенно непроницаемой, позволяя сквозь ее завесу видеть самые общие очертания, как бы устранив ненужные для разрешения детали, лишь запутывающие дело. В превосходстве силы абстракции, серьезно редуцирующей всю полноту, все краски жизни, и заключается преимущество концепта римского права. Юрист сквозь повязку Фемиды видит в живом человеке, биологическом существе, исключительно юридическую «схему». Живой человек предстает перед ним в юридических масках – маске истца или ответчика, кредитора или должника. Эта особенность юридического мышления такова, что с юридической маской связывается определенный набор субъективных прав и обязанностей.

Во многом юридическое мышление имеет сходство с научным мышлением, оно всегда решает логические задачи, силлогизмы. Не случайно фон Савиньи характеризовал науку права как «математику посредством понятий»¹. Подобно математике, который во всем многообразии действительности должен увидеть лишь пространственные и поддающиеся численному выражению отношения, юрист обязан отвлекаться от частных и принимать во внимание редуцированную картину спора, его суть, схему, освобожденную от красочности жизни.

Кстати, эта особенность правового мышления, которая проявляется в пандектистике, создает проявившиеся позднее риски в формализме правоприменения.

Одна из классификаций по принципу дихотомии оказалась основанной на различении имущественных благ, находящихся под властью человека, – вещей и обязательств. Впервые имущественная сфера субъекта частного права стала определяться через структуру принадлежащих прав – вещных и обязательственных.

Оказывается, известный многим благодаря словосочетанию «бритва Оккама» английский философ и теолог Вильям Оккам (XIV в.) также участвовал в создании когнитивных предпосылок появления теории субъективного частного права. Его вклад состоит в том, что, не будучи юристом, он тем не менее предложил различать два разных типа пользования вещью: 1) в одном случае это пользование вещью, которое основывается на титуле, т.е. известном праве; 2) в другом лицо лишь фактически, беститульно, пользуется вещью.

¹ См.: Радбрух Г. *Философия права*. М.: Международные отношения, 2004. С. 118.

С.В. Третьяков предлагает интерпретировать эту классификацию так, что способность пользоваться вещью в смысле *usus facti* является частью естественного права (*jus poli*), а не позитивного (*jus fori*). Это был шаг в сторону формирования субъективного права в техническом смысле. Как замечает автор, заслуга Оккама в том, что до него никто не мыслил право как атрибут, т.е. свойство, принадлежность субъекта права как его естественное свойство. Право стало мыслиться как проявление естественной свободы человека: впервые на теоретическом уровне понятия «право» и «свобода» оказались логически соединены в рамках понятия субъективного права.

Существенный вклад в формирование концепции субъективного частного права внесли теологи, философы так называемой Саламанкской школы. Они стали рассматривать римское правовое понятие «*dominium*», означающее власть, господство либо обладание, право собственности, в качестве парадигмы для понятия «*jus*»¹.

Dominium трактовалось как элемент естественного права, как естественный атрибут человека. При этом оно понималось в первую очередь как распорядительная способность, в духе глоссатора Бартола, автора комментария к кодификации Юстиниана под названием «*Opera omnia*».

Право стали связывать с так называемой распорядительной способностью, которая стала рассматриваться учеными Саламанкской школы как свобода осуществления права, как проявление естественного свойства человеческой личности. Произошел синтез двух направлений в понимании права: идея схоластов-номиналистов о праве как свободе осуществления власти была объединена с более традиционным цивилистическим (романским) представлением о том, что право всегда должно быть основано на титуле. Так, замечает С.В. Третьяков, появилась базовая абстракция, отражающая принцип работы всей частноправовой системы.

В конце долгого развития германская пандектистика стала рассматривать частное право как систему субъективных частных прав, но именно в XVI в. учеными Испании был сделан первый шаг в этом направлении.

Саламанкская школа известна тем, что поздние схоласты в рамках теологического концепта сформировали предпосылки для появления волевой теории. Это уже в XIX в. Гегель в «Философии права» констатировал, что «юристы мыслят категорией воли», а начиналось все с творчества Франсиско Суареса, родившегося в Гранаде. Это он в своем главном трактате «Метафизические дискуссии» определил метафизику как особую науку, ее цель («созерцание истины ради нее самой»), ее предмет – (1) бытие как таковое и (2) бытие как причина; это он дополнил учение Аристотеля о четырех причинах делением действующей причины на необходимую и свободную и назвал основные категории бытия (бесконечное и конечное, субстанция и акциденция, сущность и существование и т.д.).

¹ Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике. С. 74.